

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 940-948. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.940
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The War as “Challenge” of Socio-demographic Modernization in Russia during the 18th – the early 20th century

Konstantin V. Samokhin ^{a, *}

^a Tambov State Technical University, Russian Federation

Abstract

Socio-demographic processes in Russia during the 18th – the early 20th century is analyzed in the paper. Modernization type of the Russian society in that period is defined as catching up, mobilization one encouraged by “challenges” of the West which consequently had a wave character. The main idea of the article is that war conflicts of the Russian State with the West civilization countries were one of basic factors which stimulated the development of the Russian society’s socio-demographic modernization development. In this case main parameters of wars were the scale of war actions and their results for the Russian side. It is proved that Russian people’s socio-demographic transition from the traditional society to the modern one was quite evident only in the middle of the 19th century. There were only requisites for socio-demographic modernization before that period. It was concluded that the Crimean war and the First World War had the great influence on the Russian society during those processes because those war conflicts had wide geographical scale of war actions and negative results for the Russian State. The Great War of 1914-1918 was such serious “challenge” to the Russian (Slavonic) civilization that socio-demographic modernization took the divergent way which was different from tendencies of the Late Empire period.

Keywords: Russian empire, socio-demographic modernization, war, “challenge”, West, civilization, linear modernization, multilinear modernization.

1. Введение

За более чем полувековой период своего существования теория модернизации прошла извилистый путь: за этапом высокой степени популярности в 50–60-е гг. прошлого столетия (момент зарождения модернизационного дискурса) последовал спад ее привлекательности в рамках исторической эпистемологии, затем наметился подъем актуальности, пришедший на завершающий период XX века, который сменился волной острой критики ее основных положений в начале нынешнего столетия (Побережников, 2014: 133–143). Во многом такой волновой характер развития определялся политической ангажированностью модернизационной парадигмы: условиями холодной войны; безуспешными попытками реализовать ее как стратегию государственного развития в странах «третьего мира»; методологическим вакуумом, возникшим в отечественной исторической науке на рубеже 80–90-х гг. прошлого столетия; разработкой стратегии развития РФ в начале XXI века и др.

Однако и значение самого термина «модернизация» в ходе его теоретического обоснования претерпело немало перемен. Их суть свелась к преодолению однообразного толкования исторических процессов как перехода от традиционного общества к современному, к плюралистическому пониманию их протекания, поскольку и само понятие «современное общество», ассоциировавшееся в классической трактовке с индустриальным Западом, в современных интерпретациях обладает мультилинейным характером (Eisenstadt, 2000; Huntington, 2016: 100–101; Sztompka, 2015: 26–27). Особую актуальность эта эволюция приобрела в отечественной историографии. Дискуссии,

* Corresponding author

E-mail addresses: kon-sam@yandex.ru (K.V. Samokhin)

ведущие по этому поводу, порождают поливариантность оценок эвристического потенциала теории модернизации: от отрицательных (Капустин, 2001; Булдаков, 2016) и скептических (Буховец, 2016: 48) до положительных (Миронов, 2015с: 671–672; Побережников, 2017: 36–46; Федотова, 2016: 118). Во многом такая поляризация связана с различными результатами применимости модернизационного дискурса к историческим процессам XVIII – начала XX вв. и современному развитию Российской Федерации.

2. Материалы и методы

На наш взгляд, обозначенная проблема может быть решена следующим образом:

1. Линейная модернизация (переход от традиционного общества к современному) имела место в истории, в первую очередь в Российской империи, а также в Советском государстве до середины прошлого столетия.

2. Мультилинейная модернизация вполне обоснована для интерпретации процессов в более позднее время.

Тип модернизационного развития, присущий Российскому государству в XVIII – начале XX вв., определяется нами как *догоняющий, мобилизационный, обусловленный «вызовами» Запада*, потому чаще всего *волновой*. *Догоняющая* модернизация характеризуется тем, что Россия вступила на путь модернизационного развития позже, чем Англия и скандинавские страны, в которых соответствующие изменения произошли впервые. *Мобилизация* в данном случае понимается как сверхусилия общества догоняющего типа, необходимые и обусловленные действиями управленческих элит для достижения уровня уже модернизированных стран. *Обусловленность «вызовами» Запада* определяется тем, что он как уже прошедший модернизационные преобразования и во многом сформировавший основы современного/индустриального общества толкал остальные страны, в том числе и Россию, по тому же пути развития. Одним из главных средств, использовавшихся Западом для этих целей, стали войны. В данном случае, пользуясь терминологией А.Дж. Тойнби, войны следует рассматривать как «вызовы» западной цивилизации к российской (славянской), «ответами» на которые и стали модернизационные преобразования в Российской империи, а также в Советском государстве первой половины XX века. *Волновой* характер детерминируется различной степенью интенсивности модернизационных процессов, что во многом связано с наличием периодов, характеризующихся относительно быстрыми темпами модернизационных процессов, а также этапов с их достаточно существенным замедлением. Обозначенная интенсивность во многом зависела от особенностей войн, которые вело Российское государство со странами западной цивилизации. Если боевые действия приобретали континентальный или мировой масштаб, а их результативность была отрицательной для российской стороны, то темпы модернизационных преобразований стремились к своему максимуму, но если военные конфликты носили локальный характер, а их итоги являлись победными для России, то модернизационный импульс не обладал большой значимостью.

3. Обсуждение

Для начала определимся с понятием социальная модернизация. Одним из наиболее известных исследователей данного феномена является Б.Н. Миронов. Он характеризует переход от традиционного общества к современному в социальном плане следующим образом: «В целом в императорской России происходила социальная модернизация. Во-первых, люди приобрели личные и гражданские права; человек становился автономным от коллектива – будь то семья, община или другая корпорация – и самодостаточным, приобретая ценность сам по себе, независимо от корпоративной принадлежности и родственных связей. Во-вторых, малая семья становилась автономной от корпорации и высвобождалась из паутины родственных и соседских связей. В-третьих, городские и сельские общины изживали свою замкнутость и самодостаточность, все больше включались в большое общество и систему государственного управления. В-четвертых, отдельные социальные группы и корпорации консолидировались в сословия, сословия трансформировались в профессиональные группы и классы; из них формировалось гражданское общество, которое освобождалось от опеки государства и верховной власти и становилось субъектом власти и управления. В-пятых, по мере постепенного признания субъективных публичных прав граждан возникали конкретные правовые пределы для деятельности органов государственного управления – государство становилось правовым. Словом, *суть социальной модернизации в императорской России, как и всюду, состояла в том, что происходило зарождение и развитие личности, малой демократической семьи, гражданского общества и правового государства*. В ходе ее городские и сельские обыватели в юридическом, социальном и политическом отношениях превращались в граждан» (Миронов, 2015с: 600). На наш взгляд, в приведенной цитате присутствует широкая трактовка термина «социальная модернизация». Следует согласиться с тем, что главными особенностями перехода от традиционного общества к современному в социальном плане были складывание индивидуализма, который состоял, в первую очередь, в отрицании коллективистских начал, заложенных общинными порядками и долгим господством составной патриархальной семьи; малая демократическая семья, которая формировалась в ходе демографической модернизации. Такие

признаки, как гражданское общество и правовое государство, более относятся к политическим процессам, нежели к социальным.

Достаточно детально основы демографической модернизации были освещены в следующих монографиях: «Демографическая модернизация России, 1900–2000» ([Демографическая модернизация, 2006](#)) и «Модернизация института семьи: макросоциологический, экономический и антрополого-педагогический анализ» ([Бим-Бад, Гавров, 2010](#)). В первой отмечалось, что в ходе демографической модернизации менялось «...поведение людей в самых интимных областях человеческого бытия, их отношение к вопросам жизни, продолжения рода, любви, смерти», требовался «пересмотр ценностей моральных норм, всего мировосприятия». При этом трансформации «охватили матримониальное, прокреативное, сексуальное, жизнеохранительное, миграционное поведение людей, чрезвычайно сильно повлияли на становление нового типа личности человека, его интеллектуального и эмоционального мира, на его индивидуальный жизненный путь». Сам демографический переход трактуется авторами как «переход от извечного равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к новому равновесию низкой смертности и низкой рождаемости» ([Демографическая модернизация, 2006: 9](#)).

Во второй работе особенностями демографической модернизации выступали «формирование современной нуклеарной семьи, состоящей из двух поколений (родители и дети)» ([Бим-Бад, Гавров, 2010: 10-11](#)), а также рост индивидуализации личности, так как последняя при ощутимой поддержке государства взяла на себя «основную часть функций, которые выполняла патриархальная семья» ([Бим-Бад, Гавров, 2010: 76–77](#)). Это привело к меньшей зависимости человека от семьи ([Бим-Бад, Гавров, 2010: 77](#)), что фактически повлияло на формирование такой современной реалии, как кризис семьи.

4. Результаты

С опорой на уже высказанные выше точки зрения относительно сущности социально-демографической модернизации можно заключить, что ее главными признаками являются рост социальной дифференциации; повышение уровня социальной мобильности (в первую очередь, за счет урбанизации); формирование индивидуалистического варианта деятельности человека; охват системой образования преобладающей части населения; переход от патриархальной составной семьи с традиционной моделью демографического поведения к нуклеарной паритетной семье с современной моделью.

Теперь рассмотрим вопрос о том, насколько соответствующие процессы в России XVIII – начала XX века отвечали этим особенностям с учетом характеристик догоняющего типа модернизации.

На наш взгляд, первые подвижки модернизационного типа вызвала Северная война. По своим особенностям этот военный конфликт следует охарактеризовать как локальный, а его итоги ознаменовались одной из самых громких побед в российской истории, потому модернизационный импульс этой войны не должен отличаться высокой степенью влияния на социально-демографические процессы.

Основным аргументом, подтверждающим высказанный тезис, является наличие в России первой четверти XVIII века крепостного права, которое было самым серьезным сдерживающим моментом для роста социальной дифференциации и социальной мобильности. Сама победа в войне со Швецией диктовала необходимость полного подчинения общества государственным интересам. Тем не менее подвижки в социальной сфере все-таки наметились. В доказательство следует привести информацию о 53 наборах в регулярную армию и флот, имевших место с 1699 по 1725 гг. и давших более 284 тыс. рекрутов ([Боханов, Горинюв](#)). Определенным подтверждением является и введение в 1722 г. «Табели о рангах», когда представители податных сословий могли претендовать на получение потомственного дворянства, достигнув 14-го класса в военных чинах и 8-го класса в гражданских, а личного – дойдя до 14-го класса в гражданских чинах. Явным итогом этого преобразования стало увеличение дворянства за период 1678–1719 гг. на 146 тыс. человек, которое Б.Н. Миронов связывает, в первую очередь, с «Табелью о рангах» ([Миронов, 2015а: 443](#)). Однако приведенные цифры нельзя считать существенными, учитывая общую численность русского населения в 15,5 млн. человек (с учетом Сибири, Прибалтики и Украины) ([Павленко, 1994: 487](#)).

Одним из направлений реформ Петра I является и развитие системы образования, но здесь следует учесть, что данные преобразования коснулись преимущественно дворянства и высших городских слоев. Большая часть населения России оказалась за бортом этих реформ.

Общинный образ жизни крестьянства, патриархальная составная семья с традиционной моделью поведения, доминировавшая среди большинства сословий россиян, свидетельствуют об отсутствии существенных изменений в демографическом плане. Следует заметить, что такая ситуация будет характерной для русского общества вплоть до второй трети XIX века, когда в России проявились первые признаки демографической модернизации ([Демографическая модернизация, 2006: 14–61; Миронов, 2015а: 623–625](#)), потому, избегая дальнейших повторений, будем считать этот тезис верным для российского социума XVIII – первой половины XIX столетий.

Мало изменилась ситуация в XVIII веке и при непосредственных преемниках Петра I. Северная война не имела аналогов по своей значимости для Российского государства вплоть до наполеоновских войн: две русско-шведские войны (1741–1743 и 1787–1791 гг.) были локальными и закончились

относительно легкими победами для Российской империи. В Семилетней войне, хоть и приобретшей континентальный характер, Россия не была главной участницей, да и весь победоносный ход боевых действий не предполагал необходимости для серьезных преобразований. Военные конфликты с немодернизированными странами, например с Турцией, в данном случае не стоит учитывать. Исходя из этих рассуждений, следует предположить, что ход модернизационных преобразований должен был замедлиться.

Практически все правители России, вплоть до конца XVIII века, за исключением двух внуков Петра I, демонстрировали свое желание продолжить его реформы, потому и их деятельность можно расценивать как обусловленную, пусть и относительно, Северной войной. Историки говорят об определенной коррекции движения петровских изменений. Это было связано с теми реалиями времени, с которыми были вынуждены столкнуться преемники первого российского императора, и с противоречиями созданной им системы, но «... реформы Петра в основе своей были необратимы, и необратимы именно потому, что в целом соответствовали естественному направлению развития страны» (Каменский, 2001: 212–213, 291).

Крепостное право, определявшее социальный климат в Российской империи XVIII века, характеризовалось укреплением своих позиций в отношении крестьянства. Об этом свидетельствуют новый регламент Камер-коллегии от 23 июня 1731 г., а также указы 1736, 1760 и 1765 гг. Данные документы в целом усиливали власть помещиков над крестьянами (Ключевский, 1989а: 290, 295). Однако Манифест о вольности дворянской 1762 г. и издание Екатериной II Жалованных грамот дворянству и городам в 1785 г. следует трактовать, учитывая теорию «закрепощения сословий», как финальную точку в существовании крепостного права для дворян и горожан.

Губернская реформа, проведенная в 1775 г., в целом привела к увеличению численности городского населения с 617 тыс. в 1762 г. до 1482 тыс. человек в 1795 г. (Миронов, 2015а: 444–447). Однако процесс урбанизации здесь был обусловлен не столько переселением деревенских жителей в города для пополнения числа работников на вновь образовывавшихся мануфактурах, сколько административными мерами.

Учитывая все вышесказанное, необходимо заключить, что процессы социально-демографической модернизации в XVIII веке имели очень слабое развитие. Во многом это объясняется относительно небольшим воздействием Северной войны из-за ее локальности и положительных итогов для Российской империи. Скорее, все изменения социально-демографического характера следует трактовать как подготовительные меры или предпосылки для модернизационных процессов соответствующей направленности.

Начало XIX столетия ознаменовалось для Российской империи участием в антифранцузских коалициях, русско-шведской войной 1808–1809 гг., Отечественной войной 1812 г. и Заграничным походом русской армии 1813–1814 гг. Наибольшее значение в данном случае имели две последние военные кампании, которые определялись континентальным характером, однако закончились победным исходом для Российского государства. Эти особенности дают основание утверждать, что модернизационным процессам первой половины XIX века не должны быть присущи максимальные темпы развития.

Здесь следует заметить, что для русской модернизации был свойственен асинхронный характер (Красильщиков, 1993: 46), который объясняется неравномерным вступлением различных сфер жизнедеятельности общества на модернизационный путь. Первой в данном тренде оказалась экономика, в которой в 30–40-е гг. XIX века начался промышленный переворот, ставший явным проявлением модернизации России (Миронов, 2017: 16–17). Нельзя сказать, что наполеоновские войны явились главным фактором, обусловившим переход российской экономической сферы от мануфактурного производства к фабрично-заводскому, но определенную, и даже существенную, роль они в данном случае сыграли: необходимость обеспечения армии вооружением и обмундированием, а также восстановления сельскохозяйственного и промышленного производства после 1812 г. имела в указанном случае немаловажное значение. Тем не менее победный исход этой военной кампании для России помешал началу модернизации остальных сфер общества, в том числе и социально-демографической.

Как и предыдущий период, первая половина XIX века детерминировалась гегемонией крепостного права в социальных отношениях. Однако, уступая народным чаяниям на крестьянскую реформу, сложившимся в ходе Отечественной войны 1812 г., и учитывая распространение либеральных настроений среди офицерства, участвовавшего в Заграничном походе русской армии, Александр I идет на отмену крепостного права в Прибалтике 1816–1819 гг. Этими же причинами была обусловлена и интенсивная проектная деятельность по решению крестьянского вопроса в целом на территории Российской империи. Но итоговая победа России в наполеоновских войнах ни к каким существенным изменениям в данном направлении не привела (Ключевский, 1989б: 211–214). Аналогичную оценку следует дать и реформе государственной деревни П. Киселева, начатой в 1837 г., а также указу об обязанных крестьянах 1842 г.

Уровень социальной мобильности и урбанизации в первой половине XIX века повысился, однако их темпы были очень низкими. Об этом свидетельствует увеличение доли «новых дворян», которые приобрели свой новый статус благодаря службе – до 59 % в общей численности высшего

сословия (Миронов, 2015а: 449). Число горожан также увеличилось с 1482 тыс. человек в 1795 г. до 4300 тыс. в 1858 г.: в долевого отношении к общему количеству населения Российской империи – с 4,2 % до 7,3 % соответственно (Миронов, 2015а: 444–445). Причинами обозначенной тенденции были привилегированное положение горожан согласно Жалованной грамоте городам 1785 г. и, конечно, рост промышленного производства в этот период.

В целом, следует констатировать, что социально-демографическая модернизация России до середины XIX века как таковая отсутствовала, хотя предпосылки перехода от традиционного общества к современному в данном направлении появились.

Несмотря на то, что Крымскую войну еще иногда называют русско-турецкой войной 1853–1856 гг., этот конфликт получил не локальный, а региональный резонанс, поскольку помимо Османской империи в качестве соперников России выступали Великобритания и Франция, успехи которых в модернизационном плане к середине XIX века были весьма ощутимыми. Поражение российской стороны по итогам боевых действий привело к весьма существенному реформаторскому процессу, заложившему начало социальной модернизации российского социума. По поводу того, что Крымская война стала одной из главных причин отмены крепостного права, среди дореволюционных, советских и современных российских историков царит редкое единодушие (Корнилов, 1993: 192–193; Миронов, 2015b: 112; Тимошина, 2001: 129). При этом крестьянская реформа запустила цепную реакцию, заложив основы для земской и городской реформ, а также реформы среднего и начального образования. В совокупности эти преобразования существенным образом стали менять внешний облик российского общества: возросла степень социальной мобильности, когда доля городского населения за период 1856–1914 гг. выросла на 6,3 % (Миронов, 2015а: 841–843). Этот результат следует признать относительно скромным, что во многом объясняется условиями проведения реформы по отмене крепостного права: временнообязанное состояние крестьян в течение первых 9 лет, консервация крестьянской общины через взимание подушной подати по принципу круговой поруки, наличие паспортной системы и т.д. (Корнилов, 1993: 224–225).

Существенно в этот период возросла грамотность населения. По данным Б.Н. Миронова, соответствующее распространение образования присутствовало только среди дворянства и духовенства. Доля грамотных крестьян старше 9 лет за 60 лет пореформенного периода возросла среди мужчин до 54 %, среди женщин – 26 % (Миронов, 2015а: 751). Это объясняется результатами реформы начального и среднего образования, однако уровень грамотности даже при таких показателях был далек от необходимого значения.

В данный период, по мнению Б.Н. Миронова, стали более явно проявляться признаки демографического перехода, который «растянулся в России на несколько десятилетий и закончился в Европейской России только в 1950-е гг., когда окончательно завершился переход от традиционного к рациональному, или современному, типу воспроизводства населения» (Миронов, 2015а: 624–625). Но основные характеристики, присущие для традиционного общества, преобладали в русской семье вплоть до конца XIX века (Миронов, 2015а: 752–761).

Следующим военным конфликтом, давшим толчок к продолжению социально-демографической модернизации, стала русско-японская война 1904–1905 гг. Япония начало XX века встретила благодаря «реставрации Мэйдзи» уже модернизированным государством, потому военный конфликт с ней стал для России очередным «вызовом» к проведению соответствующих реформ. Указанная война определялась в большей степени локальностью, однако поражение Российской империи сыграло свою роль и стало одной из причин Первой русской революции. Нельзя сказать, что аграрные реформы П.А. Столыпина имели прямую обусловленность отрицательным итогом русско-японской войны, однако свою и даже не последнюю роль военный фактор в данном случае сыграл.

Одной из задач П.А. Столыпина стала ликвидация корпоративного вида крепостного права, проявлявшегося в сохранении крестьянской общины. Это преобразование в определенном смысле следует расценивать как преемственное с крестьянской реформой 1861 г. Однако результаты столыпинских начинаний оцениваются как более чем скромные (История России, 2006: 154).

В череде перечисленных выше военных конфликтов Первая мировая война имеет особую значимость при оценке ее влияния на модернизационные процессы. Сама за себя говорит характеристика боевых действий, которые приобрели самый масштабный характер, включив в свою орбиту небывалое до этого число участников. Но неопределенность текущих результатов для России, которая испытала в 1914–1918 гг. и достаточно серьезные успехи (явными проявлениями могут считаться Галицийская битва и Брусиловский прорыв), и масштабные неудачи (к примеру, Великое отступление русской армии в 1915 г.), вызвала громадные усилия Российской империи с целью изменить ситуацию в свою пользу. Однако условия договора в Брест-Литовске, пусть зависящие, в первую очередь, от идеологических установок, не оставляют сомнений в отрицательных итогах указанного военного конфликта для российской стороны.

Большую дискуссию среди историков вызывает непосредственная детерминированность революционных процессов в России 1917 г. Первой мировой войной, но прочная взаимосвязь Великой войны 1914–1918 гг. с Февральской и Октябрьской революциями не отрицается. Чаще всего этот конфликт трактуется как катализатор революционных событий (Россия и Первая мировая война,

1999: 531–557), что вполне коррелирует с нашей интерпретацией войн в качестве «вызова» модернизационных процессов, в частности социально-демографических. Итогом этих событий стало построение основ Советского государства, что было связано с коренными изменениями российского социума.

Советский вариант модернизации, хоть и осуществлялся быстрыми темпами и в относительно короткие сроки, но все-таки отклонил модернизационные процессы от траектории, наметившейся в дореволюционной России. Вторую мировую войну подчас нередко оценивают как логическое продолжение Первой (Дьячков, Протасов, 2000: 28), и во многом социально-демографические трансформации, начавшиеся в СССР в межвоенный период, получили свое логическое завершение в послевоенное время: традиционный тип семьи уходил в прошлое, поскольку еще больше выросла роль женщин в народном хозяйстве; грамотность населения стала всеобщей; урбанизация к 1975 г. достигла такого уровня, что городское население вдвое преобладало над сельским (Население России, 1998: 32–33); формирование индивидуалистической модели поведения по-прежнему встречало идеологическое препону.

Но здесь следует учесть мысль о том, что и сама западная цивилизация не стояла на месте весь этот период. Первая мировая война в известном смысле стала зримым свидетельством исчерпаемости внутренних возможностей для развития индустриального общества как конечной цели модернизации. Потому для современной России продолжение движения по модернизационному пути может привести к модели, созданной на Западе к концу XIX века, т.е. к образцам и стандартам жизни более чем столетней давности. Исходя из этих рассуждений, Вторую мировую войну с большим трудом можно признать «вызовом» модернизационных процессов в России, но уже холодную войну подобным образом трактовать не представляется возможным.

5. Заключение

Таким образом, процессы социально-демографической модернизации в XVIII – начале XX вв. в качестве «вызовов» имели войны, которые вело Российское государство со странами западной цивилизации, уже достигшими определенных успехов на пути модернизационных преобразований. Немаловажную роль играли в этом случае такие параметры боевых действий, как масштабность и результативность для российской стороны. Северная война заложила лишь предпосылки для изменений русского общества на пути социально-демографических изменений, поскольку боевые действия определялись локальностью и закончились победой России. Наибольшее влияние на российский социум в социально-демографическом плане оказали Крымская и Первая мировая войны, поскольку характеризовались масштабными географическими рамками и закончились поражениями для российской стороны. Именно вторую половину XIX века необходимо считать началом социально-демографической модернизации в полном смысле этого слова, но советские преобразования отклонили модернизацию с ее классического пути, что во многом следует трактовать как сопротивление российской цивилизации «вызовам» Запада.

Литература

Бим-Бад, Гавров, 2010 – Бим-Бад Б.М., Гавров С.Н. Модернизация института семьи: макросоциологический, экономический и антрополого-педагогический анализ: Монография. М., 2010. 352 с.

Боханов, Горинов – Боханов А.Н., Горинов М.М. История России с древнейших времен до конца XX века [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Bohan_2/15.php (дата обращения: 06.01.2018).

Булдаков, 2016 – Булдаков В.П. Модернизация в России: гири на ногах прогресса // *Вестник Тверского государственного университета. Серия «История»*. 2016. № 4. С. 76–96.

Буховец, 2016 – Буховец О. Г. «Государство-партия» в современной России // *Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.: Сборник научных статей и материалов круглых столов* / Под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. М., 2016. С. 34–51.

Демографическая модернизация, 2006 – Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006. 608 с.

Дьячков, Протасов, 2000 – Дьячков В.Л., Протасов Л.Г. Великие войны XX века и российская государственность // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2000. №3 (19). С. 28–34.

История России, 2006 – История России XX – начала XXI века. А.С. Барсенков, А.И. Вдовин, С.В. Воронков / Под ред. Л.В. Милова. М., 2006. 960 с.

Каменский, 2001 – Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 2001. 575 с.

Капустин, 2001 – Капустин Б.Г. Конец «транзитологии»? (О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия) // *Полис*. 2001. № 4. С. 6/26.

- Ключевский, 1989a – Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 4. Курс русской истории. Ч. 4. М., 1989. 398 с.
- Ключевский, 1989b – Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 5. Курс русской истории. Ч. 5. М., 1989. 476 с.
- Корнилов, 1993 – Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993. 446 с.
- Красильщиков, 1993 – Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // *Вопросы философии*. 1993. № 7. С. 40/56.
- Миронов, 2015a – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: В 3-х т. Т. 1. СПб., 2015. 896 с.
- Миронов, 2015b – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: В 3-х т. Т. 2. СПб., 2015. 912 с.
- Миронов, 2015c – Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3-х т. Т. 3. СПб., 2015. 992 с.
- Миронов, 2017 – Миронов Б.Н. Спорные вопросы имперской, советской и постсоветской модернизации // *Уральский исторический вестник*. 2017. № 4 (57). С. 16–24.
- Население России, 1998 – Население России за 100 лет (1897 В 1997): Стат. сб. М., 1998. 222 с.
- Павленко, 1994 – Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1994. 595 с.
- Побережников, 2017 – Побережников И.В. Модернизации в истории России: направления и проблемы изучения // *Уральский исторический вестник*. 2017. № 4 (57). С. 36–46.
- Побережников, 2014 – Побережников И.В. Теории модернизации // *Теория и методология истории: Учебник для вузов* / Отв. редакторы В.В. Алексеев, Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Л.Е. Гринин. Волгоград, 2014. С. 133–152.
- Россия и Первая мировая война, 1999 – Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). СПб., 1999. 564 с.
- Тимошина, 2001 – Тимошина Т.М. Экономическая история России. Учебное пособие. М., 2001. 432 с.
- Федотова, 2016 – Федотова В.Г. Модернизация и культура. М., 2016. 336 с.
- Eisenstadt, 2000 – Eisenstadt S. N. Multiple Modernities // *Daedalus: Winter*. Vol. 129. №1. pp. 1-29.
- Huntington, 2016 – Huntington S. P. The clash of civilizations? // *Culture and Politics: A Reader*. Edited by Lane Crovers and Charles Lockhart. NY: St. Martin's Press, 2016. pp. 99-118.
- Sztompka, 2015 – Sztompka, P. Modernization as social becoming: 10 theses on modernization // *Global Modernization Review: New Discoveries and Theories Revisited*. Edited by Alberto Martinelli and Chuanqi He. Singapore: World Scientific Publishing Co, 2015. Pp. 25-31. DOI: 10.1142/9789814616072_0003.

References

- Bim-Bad, Gavrov, 2010 – Bim-Bad B.M., Gavrov S.N. (2010). Modernizatsiya instituta sem'i: makrosotsiologicheskii, ekonomicheskii i antropologo-pedagogicheskii analiz: monografiya [Modernization of the family: sociological, economic, anthropological and pedagogical analysis: Monograph]. М. 352 p. [in Russian]
- Bokhanov, Gorinov – Bokhanov A.N., Gorinov M.M. Istoriya Rossii s drevneishikh vremen do kontsa XX veka [The History of Russia from the ancient times till the late XX century]. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Bohan_2/15.php (accessed 06.01.2018). [in Russian]
- Bukhovets, 2016 – Bukhovets O.G. (2016). «Gosudarstvo-partiya» v sovremennoi Rossii [“The State-Party” in modern Russia]. *Rossiiskaya mnogopartiinost' i rossiiskie krizisy XX-XXI vv.: sbornik nauchnykh statei i materialov kruglykh stolov*. Pod red. P. P. Marchenya, S.Yu. Razina. М. pp. 34-51. [in Russian]
- Buldakov, 2016 – Buldakov V.P. (2016). Modernizatsiya v Rossii: giri na nogakh progressa [Modernization in Russia: The weights on the feet of progress]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya»*. No 4. pp. 76-96. [in Russian]
- Demograficheskaya modernizatsiya, 2006 – Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900-2000 [Demographic modernization of Russia, 1900-2000]. Pod red. A.G. Vishnevskogo. М.: Novoe izdatel'stvo, 2006. 608 p. [in Russian]
- D'yachkov, Protasov, 2000 – D'yachkov V.L., Protasov L.G. (2000). Velikie voyny XX veka i rossiiskaya gosudarstvennost' [Great wars of XX century and the Russian State system]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. No 3 (19). pp. 28-34. [in Russian]
- Eisenstadt, 2001 – Eisenstadt S.N. (2000). Multiple Modernities. *Daedalus: Winter*. Vol. 129. No. 1. pp. 1-29.
- Fedotova, 2016 – Fedotova V.G. (2016). Modernizatsiya i kul'tura [Modernization and culture]. М.: Progress-Traditsiya. 336 p. [in Russian]
- Huntington, 2016 – Huntington S.P. (2016). The clash of civilizations? Culture and Politics: A Reader. Edited by Lane Crovers and Charles Lockhart. NY: St. Martin's Press. pp. 99-118.

- Istoriya Rossii, 2006** – Istoriya Rossii XX – nachala XXI veka [The History of Russia of XX – early XXI century]. A.S. Barsenkov, A.I. Vdovin, S.V. Voronkov. Pod red. L.V. Milova. M., 2006. 960 p. [in Russian]
- Kamenskii, 2001** – *Kamenskii A.B.* (2001). Ot Petra I do Pavla I: reformy v Rossii XVIII veka (opyt tselostnogo analiza) [From Peter I to Paul I: reforms in Russia of XVIII century (methods of integral analysis)]. M. 575 p. [in Russian]
- Kapustin, 2001** – *Kapustin B.G.* (2001). Konets «tranzitologii»? (O teoreticheskom osmyslenii pervogo postkommunisticheskogo desyatiletia) [Is it the end of “transitology”? (About the theoretical interpretation of the first Postcommunist decade)]. *Polis*. No. 4. pp. 6-26. [in Russian]
- Klyuchevskii, 1989a** – *Klyuchevskii V.O.* (1989). Sochineniya [Works]. In 9 vol. Vol. 4. Kurs russkoi istorii. Part 4. M. 398 p. [in Russian]
- Klyuchevskii, 1989b** – *Klyuchevskii V.O.* (1989). Sochineniya [Works]. In 9 vol. Vol. 5. Kurs russkoi istorii. Part 5. M. 476 p. [in Russian]
- Kornilov, 1993** – *Kornilov A.A.* (1993). Kurs istorii Rossii XIX veka [The Course of the Russian History of XIX century]. M. 446 p. [in Russian]
- Krasil'shchikov, 1993** – *Krasil'shchikov V.A.* (1993). Modernizatsiya i Rossiya na poroge XXI veka [Modernization in Russia at the turn of the 21st century]. *Voprosy filosofii*. No 7. pp. 40-56 [in Russian]
- Mironov, 2015a** – *Mironov B.N.* (2015). Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3-kh t. [The Russian Empire: from tradition to modernity: in 3 vol.]. Vol. 1. Saint Petersburg. 896 p. [in Russian]
- Mironov, 2015b** – *Mironov B.N.* (2015). Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3-kh t. [The Russian Empire: from tradition to modernity: in 3 vol.]. Vol. 2. SPb. 912 p. [in Russian]
- Mironov, 2015c** – *Mironov B.N.* (2015). Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3-kh t. [The Russian Empire: from tradition to modernity: in 3 vol.]. Vol. 3. Saint Petersburg. 992 p. [in Russian]
- Mironov, 2017** – *Mironov B.N.* (2017). Spornye voprosy imperskoi, sovetskoi i postsovetskoi modernizatsii [Argumentative issues of imperial, soviet and post-soviet modernizations]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No 4 (57). pp. 16-24. [in Russian]
- Naselenie Rossii, 1998** – *Naselenie Rossii za 100 let (1897-1997) (1998): Stat. sb.* [The Population of Russia during the hundred years (1897-1997): statistical collection]. M. 222 p. [in Russian]
- Pavlenko, 1994** – *Pavlenko N.I.* (1994). Petr Velikii [Peter the Great]. M. 595 p. [in Russian]
- Poberezhnikov, 2014** – *Poberezhnikov I.V.* (2014). Teorii modernizatsii [Theories of modernization] // *Teoriya i metodologiya istorii*. Edited by V.V. Alekseev, N.N. Kradin, A.V. Korotaev, L.E. Grinin. Volgograd: Uchitel'. pp. 133-152. [in Russian]
- Poberezhnikov, 2017** – *Poberezhnikov I.V.* (2017). Modernizatsii v istorii Rossii: napravleniya i problemy izucheniya [Modernization in the history of Russia: trends and investigation problems]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No 4 (57). pp. 36-46. [in Russian]
- Rossiya i Pervaya mirovaya voina, 1999** – *Rossiya i Pervaya mirovaya voina (materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma)* (1999) [Russia and the World War I (works of the international scientific colloquium)]. SPb. 564 p. [in Russian]
- Sztompka, 2015** – *Sztompka P.* (2015). Modernization as social becoming: 10 theses on modernization. *Global Modernization Review: New Discoveries and Theories Revisited*. Edited by Alberto Martinelli and Chuanqi He. Singapore: World Scientific Publishing Co. pp. 25-31. DOI: 10.1142/9789814616072_0003.
- Timoshina, 2001** – *Timoshina T.M.* (2001). Ekonomicheskaya istoriya Rossii [The Economic History of Russia]. Uchebnoe posobie M. 432 p. [in Russian]

Война как «вызов» социально-демографической модернизации в России XVIII – начала XX веков

Константин Владимирович Самохин ^{a, *}

^a Тамбовский государственный технический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются социально-демографические процессы в России XVIII – начала XX вв. с точки зрения теории модернизации. Тип модернизации, присущий российскому обществу указанного периода, определяется как догоняющий, мобилизационный, обусловленный «вызовами» Запада, волновой. Основным тезисом является положение о том, что войны, которые вело Российское государство со странами западной цивилизации, стали одним из главных факторов, стимулирующих развитие социально-демографической модернизации российского социума. При этом в качестве основополагающих учитываются такие характеристики военных конфликтов, как масштабность боевых действий и их результативность для российской стороны. Исходя из предложенной концепции, доказывается положение о том, что социально-демографический переход

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kon-sam@yandex.ru (К.В. Самохин)

русского народа от традиционного общества к современному в очевидном варианте проявился лишь только с середины XIX века. До этого момента следует говорить лишь только о предпосылках социально-демографической модернизации. Делается вывод о том, что наибольшее влияние в исследуемом аспекте на русское общество оказали Крымская и Первая мировая войны, так как обладали широким географическим масштабом боевых действий и отрицательными итогами для Российского государства. При этом Великая война 1914–1918 гг. оказалась настолько серьезным «вызовом» российской (славянской) цивилизации, что социально-демографическая модернизация России пошла по своему отклоняющемуся пути, отличному от тенденций, наметившихся в период поздней империи.

Ключевые слова: Российская империя, социально-демографическая модернизация, война, «вызов», Запад, цивилизация, линейная модернизация, мультилинейная модернизация.